

Коллективные переживания precariousности и гражданские движения

Д.А. Хорошилов, Е.А. Ильжер
МГУ имени М.В. Ломоносова Москва, Россия

Поступила 4 марта 2019/ Принята к публикации: 16 апреля 2019

Collective experience of precarity and civil movements

Dmitriy A. Khoroshilov, Ekaterina A. Hilger

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: d.khoroshilov@gmail.com

Received March 4, 2019 / Accepted for publication: April 16, 2019

Актуальность (контекст) тематики статьи. Классические теории, центрированные вокруг объяснительного конструкта социальной (коллективной) идентичности, не смогли предсказать внезапный всплеск уличных собраний по всему миру (от митингов в России до «желтых жилетов» во Франции). Основная задача статьи заключается в определении факторов мобилизации социальных и гражданских движений.

Цель – определение латентного критерия идентификации с протестным сообществом, которое локализуется в социальном пространстве только в момент выхода людей на улицы.

Описание хода исследования. На основе теоретического анализа научной литературы выдвигается гипотеза: коллективное переживание precariousности (экзистенциально-политической уязвимости и незащищенности человека) является латентным идентификационным маркером социальных и гражданских движений. Для проверки гипотезы использовался интерпретативный феноменологический анализ (Дж. Смит) серии полуструктурированных интервью с участниками гражданских движений в России в 2010-е гг.

Результаты исследования. По итогам качественного анализа интервью были выделены ключевые темы, которые можно считать сложными языковыми знаками типического переживания precariousности, преломленного через автобиографический опыт наших респондентов: личное участие в уличном собрании как идентификация со всей страной, переживание несправедливости как выход из зоны личного комфорта, интенция к изменению наличного социального и политического порядка, совладание со страхом наказания, финальное разочарование и утрата надежды.

Выводы. Precarity становится психологическим фактором коллективного поведения только в том случае, если она реально переживается сообществом, формальное приписывание к классу precariousности не является детерминирующим. Как precariousность из спонтанного переживания превращается в идентификационный маркер новых социальных и гражданских движений, объединяющих людей, независимо от их классовой, этнической, гендерной принадлежности? Поиск ответа на этот вопрос открывает перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: гражданские движения, коллективное поведение, социальная идентичность, коллективные переживания, precariousность.

Background. The study explores the potential predictors of the collective action in the context of contemporary social and civil movements. Classical socio-psychological models of social movements focus on the concept of social identity, i.e. collective identity and have difficulty explaining a sudden upsurge of popular demonstrations in the world (from mass demonstrations in Russia till “Yellow vests” movement in France).

Objective. The research aims to identify a latent criterion of the identification with the protest movement which can be situated within the social space only at the moment of people assemblies.

Design. According to the literature review, the authors suggest that the collective experience of precariousness, representing the people's vulnerability in existing social and political order can be a latent identification criterion of social and civil movements. In the research, we subjected the data of semi-structured interviews with the activists of Russian civil movements to the Jonathan A. Smith's method of interpretative phenomenological analysis.

Findings. As a result of the qualitative analysis of the interviews, the main features that manifest the collective experience of precariousness were identified. The collective experience is performed through the views of the civil movements activists in Russia in the 2010s: 1) Participation in demonstrations identified with the particular state; 2) Experience of injustice as stepping out the comfort zone; 3) Intention to change social order; 4) Handling the fear of punishment; 5) Deception and lost illusions.

Conclusion. Precarity becomes a predictor of collective action only in the case if it becomes a collective experience of a community, a formal assigning to the precarious class is not enough for collective mobilization. The understanding of how the collective experience of precariousness is identified with new social movements uncovers perspectives for further research.

Keywords: civil movements, collective behaviour, social identity, collective experience, precarity.

Введение

Гражданские движения – это основной способ осуществления институциональных преобразований современных обществ. Тема протестов и выступлений стала как никогда актуальной во всем мире, благодаря усилению глобальных связей,

Практически ни одна из теорий не смогла предсказать внезапные и географически разбросанные мобилизации: «Occupy Wall Street» в США, митинги в России или недавние демонстрации «желтых жилетов» во Франции

позволяющих сопротивляться неравенству в правах на «достойную жизнь» (livable live), политическому насилию и экономическим лишениям (Butler, 2015). Имеется солидная психологическая и социологическая традиция анализа гражданских движений как формы коллективного действия (поведения). В отличие от иррационального поведения массы или толпы, гражданские движения представляют собой организованные выступления людей, цель которых – выразить отношение к социокультурным изменениям, способствовать или препятствовать им (Андреева, 2009; Kelly, Breinlinger, 2012; Smelser, 2011). При этом акцентирование демократического потенциала изменений сужает понятие социальных движений до собственно гражданских.

Исследователи, представляющие различные дисциплины, сходятся во мне-

нии – основным фактором коллективных действий является идентичность (Klandermans, 2014; Tajfel, Turner, 1986), в социологии – коллективная, в психологии – социальная. На наш взгляд, в интересующем нас интеллектуальном контексте они синонимичны. Гипотеза А. Тэшфела и Дж. Тернера о том, что интересубъектив-

ное восприятие социальных изменений (т.е. наличие когнитивной альтернативы сложившимся в обществе межгрупповым отношениям, которые оцениваются как несправедливые) является одним из главных «запускающих» факторов коллективного поведения, получила эмпирическое подтверждение (Van Zomeren et al., 2008). Восприятие несправедливости социальной ситуации и выражение эмоционального отношения к ней с позиций групповой идентичности становится причиной участия в коллективных действиях по ее реальному изменению (Агадулина, 2013).

Но такое объяснение сталкивается с трудностями при изучении феномена «новых» гражданских движений. Практически ни одна из теорий не смогла предсказать внезапные и географически разбросанные мобилизации: «Occupy Wall Street» в США, митинги в России или не-

давние демонстрации «желтых жилетов» во Франции. Новые гражданские движения отличаются от привычных выступлений по следующим четырем признакам (Melucci, 1980; Neveu, 2015):

- 1) относительная автономия структурных элементов;
- 2) абстрактный характер требований;
- 3) отсутствие связи с политическими организациями;
- 4) объединение собраний основывается чаще на культурных, а не на экономических характеристиках.

Сказанное уместно интерпретировать как проявление латентных социальных изменений, анализ которых требует разработки сложных методологических стратегий (Гусельцева, 2018). Психология может предложить свой подход к объяснению новых гражданских движений.

Очевидно, в современных обществах формируется скрытая «протестная» динамика, не локализуемая в социальном пространстве до момента выхода людей на улицы, который и становится «точкой сборки» гражданского движения. Дж. Батлер (Butler, 2015) даже сомневается в существовании общей для него идентичности. Уличное собрание – это собрание людей, представляющих различные позиции и интересы, но объединенных борьбой за жизнь. Если все же сохранить концепт, то можно предположить, что идентичность новых гражданских движений имеет сетевой и спонтанный характер, а протестное сообщество – это сообщество «воображаемое» (Anderson, 2006), чей критерий идентификации не чисто социальный или политический, но скорее всего аффективный, напрямую не связанный со справедливостью, как то постулируется в психологических теориях.

По мнению Ш. Муфф, рациональный консенсус в вопросе социальной справедливости просто невозможен и даже опасен для демократического общества, поэтому следует обратиться к анализу аффективного измерения политического дискурса (Mouffe, 2005). Действительно, требования справедливости в новых гражданских движениях часто слишком абстрактны и по-разному интерпретируются их активистами и оппонентами. Как ответ на размышления Муфф, в современной психологии предлагаются концепции кол-

Дмитрий Александрович Хорошилов – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: d.khoroshilov@gmail.com
<https://istina.msu.ru/profile/dkhor/>

Екатерина Анатольевна Ильжер – аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: katiailger@gmail.com

Для цитирования: Хорошилов Д.А., Ильжер Е.А. Коллективные переживания прекарности и гражданские движения // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 2(34). – С. 48–54. doi: 10.11621/npj.2019.0209

For citation: Khoroshilov D.A., Hilger E.A. (2019). Foreign psychology studies of near-death experience in the blind people. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal], (12)2, 48–54. doi: 10.11621/npj.2019.0209

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2019
© Russian Psychological Society, 2019

лективных и межгрупповых эмоций, устанавливающие взаимосвязь между социальной идентичностью и аффективным состоянием, разделяемым членами группы (Lyer, Leach, 2009; Scheve, Salmela, 2014). Одной из причин спонтанных гражданских движений и протестов считается прешествующий им эмоциональный опыт (Snow, Moss, 2014). Социальная психология, по-видимому, совершает «аффективный поворот» от исследования когнитивных и идентичностей к интерсубъективным эмоциональным состояниям как решающему фактору группового поведения.

В отечественной психологии имеется оригинальный термин, трудно переводимый на английский язык, – коллективное переживание, который использовался еще Г. Шпетом в хрестоматийной работе по этнической психологии (Шпет, 1989). Современные российские психологи (Емельянова, 2016; Марцинковская, 2016; Коллективные переживания ..., 2015) проводят аналогии между коллективными переживаниями и чувствами, межгрупповыми эмоциями и социальной идентичностью. Коллективное переживание это:

- 1) динамическая единица взаимной идентификации личности и группы, объединяющая когнитивный и аффективный компоненты (представление о группе и интенцию к совместному действию);
- 2) типическое эмоционально-смысловое отношение людей к обществу и культуре;
- 3) сложный языковой знак, опосредующий социальное познание и поведение, поэтому его логично исследовать через понятия естественного языка, что делает перспективным использование методологии качественного жанра.

Теперь необходимо конкретизировать предметное содержание того коллективного переживания, которое активизирует гражданские движения.

Коллективные переживания прекарности в современном обществе

Прекарность – критерий выделения отдельного сообщества или класса прекариата, объединяющего различных людей по

всему миру вне зависимости от классовой, этнической или гендерной принадлежности. Прекариат – это политическое положение, в котором одни группы больше других страдают от недостаточной поддержки социально-экономических сетей, подвергаются насилию, травмам и, как следствие, смерти (Butler, 2015). Прекари-

В политическом производстве дифференцирующих признаков прекарности есть шанс для возникновения неожиданной и непредусмотренной переделки общества в точках хрупкости/уязвимости/поражаемости человека, освобождающей место для демократических форм жизни. Именно в этот момент в обществе актуализируются гражданские движения

ат образует замкнутый «класс для себя» без постоянной занятости и гарантий, связанных с работой, доходом или кредитом. Он социально незащищен, что оборачивается размыванием личностной идентичности и сужением временной перспективы. Крайне важно помнить, что в такой проблемной ситуации, для которой характерны недовольство, anomia, беспокойство и отчуждение, может оказаться каждый из нас (Standing, 2011).

Прекарность как психологический феномен – не критерий нового класса, идет ли речь о мигрантах, фрилансерах или хипстерах (Тощенко, 2018), а комплексная экзистенциально-политическая характеристика всех современных обществ, где экономический и социальный капитал (включая телесность) фактически любого человека, независимо от его ресурсов, шансов и возможностей, может быть нивелирован стечением случайных и непредсказуемых событий (Хорошилов, 2018). С этой точки зрения, природа «социальности» заключается во взаимозависимости уязвимых и ранимых тел, изначально открытых и восприимчивых друг к другу в непредсказуемом и неподконтрольном смысле: Я – это отношение к Другому, чью жизнь Я стараюсь сохранить, без этого отношения Я утрачиваю онтологическое и этическое основание самого себя (Butler, 2015). Прекарность не просто указывает на биологическую хрупкость и ранимость существования человека. Она становится дискурсивной практикой конструирования границ дифференциации/оценочного сравнения групп с точки зрения их телесной уязвимости, права на жизнь и смерть (утверждаемого социальными институтами).

Парадоксально, что перформативность гегемонии, производящей и рас-пределяющей прекарность, как раз делает возможным коллективное сопротивление – внезапное появление незащищенных тел в публичном пространстве становится требованием «достойной жизни» (livable life), не редуцируемой

к «голою жизни», у которой нет иного права, кроме как быть безнаказанно убитой (Agamben, 1998). Можно сказать иначе: в политическом производстве дифференцирующих признаков прекарности есть шанс для возникновения неожиданной и непредусмотренной переделки общества в точках хрупкости/уязвимости/поражаемости человека, освобождающей место для демократических форм жизни. Именно в этот момент в обществе актуализируются гражданские движения, для чего прекарность должна стать реальным и устойчивым коллективным переживанием. Как идентификационная структура она способна объединять индивидов из различных позиций в социальном поле.

Прекарность и гражданские движения в России: программа эмпирического исследования

Основная цель проведенного исследования заключалась в описании коллективных эмоций (переживаний в русскоязычной традиции) участников социальных и гражданских движений в России и анализе их опыта с точки зрения теорий идентичности и прекарности. Мы стремились показать, что прекарность – это критерий идентификации с воображаемым сообществом протеста, в чьей основе находится не только когнитивная, но и аффективная составляющая, с трудом поддающаяся означиванию и дискурсивному проговариванию (что постулировалось Ш. Муфф в агонистической модели демократии). Именно поэтому на площади и про-

спекты Москвы в 2010-е годы вдруг вышел «креативный класс», внешне защищенный, казалось бы, солидным социальным капиталом, но объединенный политическим аффектом, который предстоит исследовать (Левинсон, 2012).

Не конвенциональные представления о справедливости межгрупповых отношений, а коллективные переживания прекарности, т.е. уязвимости и хрупкости в актуальном социальном и политическом порядке, являются латентным идентификационным маркером протестного сообщества и предиктором личного участия в массовых выступлениях

Мы исходили из теоретической гипотезы о том, что не конвенциональные представления о справедливости межгрупповых отношений, а коллективные переживания прекарности, т.е. уязвимости и хрупкости в актуальном социальном и политическом порядке, являются латентным идентификационным маркером протестного сообщества и предиктором личного участия в массовых выступлениях. Такая логика рассуждений объясняет сетевой характер и спонтанность организации новых гражданских движений и призвана снять затруднения методологического характера при экспликации общей для них идентичности, которая на примере митингов в России 2010–2013 гг. называлась слишком абстрактной и ситуативно обусловленной (Политика аполитичных ..., 2014).

Для проверки и дальнейшего уточнения гипотезы мы обратились к непосредственным участникам массовых выступлений, развернувшихся в России в последнее десятилетие (2010–2019). Целевую выборку исследования составили семь человек, из них 4 мужчин и 3 женщин в возрасте от 20 до 40 лет.

Нами были использованы качественные методы полуструктурированного интервью и интерпретативного феноменологического анализа (Бусыгина, 2015; Smith, Flowers, Larkin, 2009). Подход интерпретативной феноменологии нацелен на изучение жизненного мира и переживания опыта. С точки зрения ее сторонников, опыт не может быть описан только сам по себе, он раскрывается с помощью интерпретации, всегда опосредованной культурными и языковыми контекстами понимания. Предпочтение отдается индивидуальным случаям и интервью. Интерпретативная феномено-

логия является скорее идиографической по своей аналитической направленности – наибольший интерес представляет уникально-личностное своеобразие каждого случая, после чего конструируются типические паттерны проживания

социального опыта (что смыкается со шпетовской трактовкой коллективных переживаний как единства эмоционально-смыслового содержания и его знаковой формы).

Результаты эмпирического исследования

В результате интерпретативного феноменологического анализа интервью с участниками исследования выделены основные темы, которые можно рассматривать как проявления типического коллективного переживания прекарности, преломленного через призму личного и биографического опыта участников социальных и гражданских движений.

1. Участие в уличном собрании как идентификация со всей страной.

Респонденты описывают порыв, особое настроение, чувство общности на уличных собраниях. Митинги сравниваются с праздником, отмечается их организованность: «Понимаешь, что даже если ты тоже в толпе, то тебя не будут толкать, тебя не задавят ... Идешь гулять в компании с единомышленниками, на которых основывается наше общество». В одном из интервью говорится, что ощущение безопасности не покидало даже в те моменты, когда участников арестовывала полиция. Возникает надежда на очередное перерождение России (ассоциация с «перестройкой» Горбачева) и формирование гражданской сплоченности собравшихся, народа в целом как жителей одного города, одной страны («энергетика, все на одной волне, какое-то безумное единение, радость, что в России не все так плохо»).

2. Переживание несправедливости как выход из личного комфорта.

Респонденты отмечают, что при собственной финансовой обеспеченности и социальной защищенности (кто-то отказывается от системы государственных бесплатных услуг, предпочитая частные платные, кто-то живет в другой стране и т.д.), они не могут не замечать тяжелые условия жизни в стране за пределами столицы: «Много людей страдает, жизнь, которую они ведут, даже жизнью нельзя назвать». Экономическое положение связывается с темой свободы слова и личного самовыражения, отстаивания гражданской позиции: «Всем без разницы, плохо ли тебе, мнение никому твое не интересно». Беспокоят не только экономические, но и политические проблемы, к числу которых респонденты относят фальсификации голосов на выборах, «показательные» судебные процессы, опасность войны и т.д. Выразительная медицинская метафора: люди начинают буквально «заболеть» от коррупции. Будущее молодого поколения вызывает особое волнение: «Беспредел, с которым они сталкиваются со стороны власти, просто больно смотреть на это, людям просто обрубают крылья».

3. Интенция к изменению социального порядка.

Участники митингов показывают, что «мы тутдохнем», т.е. имеются многочисленные неразрешенные проблемы, от которых Россия за свою длительную историю «устала» и хочет стабильности. Подросткам, заверяет один из респондентов, «терять нечего, они поняли, что свой кусок нефтяного пирога они уже не получают». При этом количество протестующих оказывается не столь важным для проведения социальных изменений: «В тоталитарном обществе один человек, вышедший протестовать, приравнивается к миллиону в обществе демократическом».

4. Совладание с переживанием страха наказания.

Выход на улицы сопровождается страхом возможного ареста за реальное участие в митингах и простые репосты в интернете. Один респондент сначала боялся идти на несанкционированные

митинги, но был увлечен туда друзьями, другой смотрел интернет-трансляцию из дома, а смелая девушка вышла на митинг с коляской с ребенком вопреки недовольству родителей: «Для меня это гордость и, в то же время, поступок, который пришлось ото всех скрывать». Постепенно те, кто опасался за безопасность, не был готов рисковать стабильностью и работой, «отсеялись». Респонденты говорят, что участники демонстраций хотели не насилие, а мирного протеста, но при этом только добились ужесточения режима. Поэтому страх наказания превращается в меланхолическое воспоминание упущенных возможностей.

5. Разочарование и утрата надежды.

Респонденты часто используют образ окончания праздника после февраля 2012 года (когда социальные движения в России достигли своего пика): «Пошел спад, как будто сквозь пальцы рук выскальзывает, а ты ничего сделать не можешь». Первоначально радостное переживание социальных изменений и превращения страны в гражданскую нацию, когда начинается какой-то новый исторический этап, скоро сменяется разочарованием: «Раньше у нас было ощущение, что кому-то это не все равно, помимо тех, кто уже туда ходит. Когда все поняли, что это вообще никому не нужно, более того, тебя считают нехорошим человеком, то возникает отторжение». К мнению выступающих никто не прислушался, «просто пытались заткнуть и нивелировать их действия», никаких изменений не произошло, возникло ожесточение со стороны власти и других людей, исчезло вдохновение, случился слом, «душевный порыв не был оценен»...

Важно подчеркнуть, что утрата иллюзий относительно социальных и политических достижений и целей гражданских движений не является свидетельством их поражения или завершения – они вновь переходят на латентный уровень, что подтверждается данными социологических исследований, согласно которым протестный потенциал в современной России «хотя и невелик, но реален» (Разум на распутье ..., 2017). Аналогично рассуждали и наши респонденты. С психологической точки зрения сообщество необязательно

но должно принимать ярко выраженную внешнюю форму, ибо во многих случаях достаточно наличия переживания как механизма формирования и поддержания приверженности к той или иной группе с определенным стилем жизни и мышления (Марцинковская, 2016). Разочарова-

С психологической точки зрения сообщество необязательно должно принимать ярко выраженную внешнюю форму, ибо во многих случаях достаточно наличия переживания как механизма формирования и поддержания приверженности к той или иной группе с определенным стилем жизни и мышления

ние в социальных изменениях (т.е. когнитивных альтернативах развития общества, по Тэшфелю) является, возможно, не менее значимой составляющей прекарности, чем то же переживание несправедливости и неравноправного распределения достойной жизни (livable life), а этот факт по-прежнему оставляет возможность для внезапной мобилизации новых гражданских движений, как случилось в начале 2010-х гг.

Выводы

В 2010 году – накануне десятилетия расцвета гражданских движений – подавляющее большинство россиян (68 %) заявляло о своей неготовности принимать участие в акциях протеста «против падения уровня жизни, несправедливых действий властей,

Наиболее удобной стратегией исследования коллективных эмоций и переживаний оказываются качественные методы интерпретативной феноменологии, которые направлены на анализ индивидуальных случаев.

в защиту своих прав»¹. Массовые социологические опросы «имеют свои издержки» и не раскрывают всех многообразных контекстов общественных настроений (Мельникова, 2017). Эта тема периодически возвращается в публичных интернет-дискуссиях (недавняя методологическая полемика Г. Юдина с Левада-центром – яркое тому свидетельство). Количественный «протестный индекс»/«потенциал» массового сознания, судя по всему, не способен зафиксировать интересующий аффект, который оказывается решающим при анализе новых гражданских движе-

ний. Настоящая статья – эскиз психологического подхода к исследованию латентных факторов коллективных действий.

1. Модели социальных и гражданских движений в различных дисциплинах стремятся объединить дискурсивный, когнитивный и аффективный измерения

анализа коллективных действий (поведения), размежевание которых устраняется введением понятия коллективного переживания, восходящего к старинным работам по этнической психологии Г. Шпета.

2. Коллективное переживание прекарности (тотальной уязвимости каждого человека перед неравноправным распределением права на жизнь) в современных обществах является идентификационным маркером протеста как «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон) и фактором внезапной мобилизации уличных собраний. Прекарность объединяет различных индивидов вне зависимости от их классовых, гендерных и расовых характеристик. Не менее важно, что прекарность становится фактором коллективного поведения только тог-

да, когда она реально переживается сообществом, формальное приписывание к классу прекариата не является детерминирующим. В определенном отношении прекарность – экзистенциальное коллективное переживание нашего времени.

3. Наиболее удобной стратегией исследования коллективных эмоций и переживаний оказываются качественные методы интерпретативной феноменологии, которые направлены на анализ индивидуальных случаев. Индивидуальные случаи можно счи-

¹ Данные ВЦИОМ (см.: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/).

тать репрезентацией широкого социального контекста, раскрывающей жизненный мир и непосредственный опыт участников гражданских движений, что показано на примере изучения митингов в России.

*Работа выполнена при поддержке
Российского фонда фундаментальных
исследований, проект № 19-013-00612:
Кросс-культурный анализ личностных и
ситуационных детерминант совладания
с трудными жизненными ситуациями.*

*The research was supported by the
Russian Foundation for Fundamental
Research, project 19-013-00612 'Cross-
cultural analysis of personal and
situational determinants of coping with
difficult life situations.'*

Литература:

- Агадулина Е.Р. Коллективные действия: предикторы и модели // Социальная психология и общество. – 2013. – № 3. – С. 42–51.
- Андреева Г.М. Социальная психология. – Москва : Аспект Пресс, 2009.
- Бусыгина Н.П. Качественные и количественные методы исследований в психологии. – Москва : Юрайт, 2015.
- Гусельцева М.С. Изучение идентичности в контексте культуры: методология латентных изменений. [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11. – № 58 : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1547-guseltseva58.html> (дата обращения 21.04.2019).
- Емельянова Т.П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Социальная и экономическая психология. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 3–22.
- Коллективные переживания социальных проблем / под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. – Москва : Смысл, 2015.
- Левинсон А. Пространства протеста: московские митинги и сообщество горожан. – Москва : Strelka Press, 2012.
- Марцинковская Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. – Москва : Смысл, 2016.
- Мельникова О.Т. Респонденты не говорят правду? [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2017. – № 162 (7328) // [сайт]. URL: <https://rg.ru/2017/07/24/olga-melnikova-massovye-socoproisy-imeit-svoi-izderzhki.html> (дата обращения: 21.04.2019).
- Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 гг. / под ред. С.В. Ерпылевой, А.В. Магун А.В. – Москва : НЛО, 2014.
- Разум на распутье: Общественное сознание между прошлым и будущим / под ред. Ю.А. Красина, А.Б. Вебера, А.А. Галкина. – Москва : Аспект Пресс, 2017.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. – Москва : Наука, 2018.
- Хорошилов Д.А. Коллективные переживания прекарности в современной культуре (памяти Т.Г. Стефаненко) [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11. – № 58. : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1548-khoroshilov58>.
- Шпет Г. Сочинения. – Москва : Правда, 1989.
- Anderson B. (2006). *Imagined Communities*. London, New York: Verso.
- Agamben G. (1998) *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press.
- Butler J. (2015). *Notes Toward a Performing Theory of Assembly*. Cambridge, MA: Harvard University Press. doi: 10.4159/9780674495548
- Kelly C., Breinlinger S. (2012). *The Social Psychology of Collective Action: Identity, Injustice and Gender*. L., NY: Routledge.
- Klandermans, P. G. (2014). Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and Dynamics of Protest. *Political Psychology*, 35(1), 1–22. doi: 10.1111/pops.12167
- Lyer A., & Leach C.W. (2009). Emotion in Inter-group Relations. *European Review of Social Psychology*, 19, 86–125. doi: 10.1080/10463280802079738
- Neveu E. (2015). *Sociologie des Mouvements Sociaux*. Paris: La Découverte. doi: 10.4074/S0336150015012090
- Melucci A. (1980). The New Social Movements: A Theoretical Approach. *Social Science Information*, 19(2), 199–226. doi: 10.1177/053901848001900201
- Mouffe, S. (2005). *On the Political*. London, New York: Routledge.
- Smelser N.J. (2011). *Theory of Collective Behavior*. New Orleans, Louisiana: Quid Pro Books.
- Smith J.A., Flowers P., & Larkin M. (2009). *Interpretative Phenomenological Analysis Theory, Method and Research*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Snow, D. & Moss, D. (2014). Protest on the Fly, 79(6), 1122–1143. doi: 10.1177/0003122414554081
- Standing G. (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.
- Tajfel, H., & Turner, J.C. (1986) *The Social Identity Theory of Intergroup Behavior*. *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, IL: Nelson, 7–24.
- Van Zomeren M., Postmes T., & Spears R. (2008). Toward An Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Socio-Psychological Perspectives. *Psychological Bulletin*, 134(4), 504–535. doi: 10.1037/0033-2909.134.4.504
- Von Scheve C., Salmela M. (Eds). (2014). *Collective Emotions: Perspectives from Psychology, Philosophy, and Sociology*. Oxford: Oxford University Press. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199659180.001.0001

References:

- Agadullina E.R. (2013). Collective actions: predictors and models. *Social psychology and society*, 3, 42–51.
- Andreeva G.M. (2009). *Social Psychology*. Moscow, Aspekt Press.
- Busygina N.P. (2015). *Qualitative and quantitative research methods in psychology*. Moscow, Yurayt,
- Guseltseva M.S. (2018). The study of identity in the context of culture: methodology of latent changes. [*Psikhologicheskie issledovaniya*], 11(58). Retrieved from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1547-guseltseva58.html> - (appeal date 04.21.2019).

- Emelyanova, T.P. (2016). The phenomenon of collective feelings in the psychology of large social groups. *Social and economic psychology*, 1(1), 3–22.
- Stefanenko T.G., & Lipatov S.A. (eds.) (2015). *Collective experiences of social problems*. Moscow, Smysl.
- Levinson A. (2012). *Spaces of protest: Moscow meetings and community of citizens*. Moscow, Strelka Press.
- Martsinkovskaya T.D. (2016). *Culture and subculture in the space of a psychological chronotope*. Moscow, Smysl.
- Melnikova O.T. (2017). Respondents do not tell the truth? [*Rossiyskaya gazeta*]. 162 (7328). Retrieved from: <https://rg.ru/2017/07/24/olga-melnikova-massovye-socoproxy-imeyut-svoi-izderzhki.html> - (appeal date: 21.04.2019).
- Erpylevoi S.V. & Magun A.V. (eds.) (2014). *Politics apolitical: civil movements in Russia 2011–2013*. Moscow, NLO.
- Krasin Yu.A., Weber A.B., & Galkina A.A. (eds.) (2017). *The human reason at the crossroads: public consciousness between the past and the future*. Moscow, Aspekt Press.
- Toshchenko ZH.T. *Prekariat: from protoclasse to a new class*. Moscow, Science, 2018.
- Khoroshilov D.A. (2018). Collective experiences of precarity in modern culture (in the memory of T. Stefanenko) [*Psikhologicheskie issledovaniya*], 11(58). Retrieved from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1548-khoroshilov58.html> - (appeal date: 04.21.2019).
- Shpet G. (1989). *Works*. Moscow, Pravda.
- Anderson B. (2006). *Imagined Communities*. London, New York: Verso.
- Agamben G. (1998) *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press.
- Butler J. (2015). *Notes Toward a Performing Theory of Assembly*. Cambridge, MA: Harvard University Press. doi: 10.4159/9780674495548
- Kelly C., Breinlinger S. (2012). *The Social Psychology of Collective Action: Identity, Injustice and Gender*. L., NY: Routledge.
- Klandermans, P. G. (2014). Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and Dynamics of Protest. *Political Psychology*, 35(1), 1–22. doi: 10.1111/pops.12167
- Lyer A., & Leach C.W. (2009). Emotion in Inter-group Relations. *European Review of Social Psychology*, 19, 86–125. doi: 10.1080/10463280802079738
- Neveu E. (2015). *Sociologie des Mouvements Sociaux*. Paris: La Découverte. doi: 10.4074/S0336150015012090
- Melucci A. (1980). The New Social Movements: A *Theoretical Approach*. *Social Science Information*, 19(2), 199–226. doi: 10.1177/053901848001900201
- Mouffe, S. (2005). *On the Political*. London, New York: Routledge.
- Smelser N.J. (2011). *Theory of Collective Behavior*. New Orleans, Louisiana: Quid Pro Books.
- Smith J.A., Flowers P., & Larkin M. (2009). *Interpretative Phenomenological Analysis Theory, Method and Research*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Snow, D. & Moss, D. (2014). *Protest on the Fly*, 79(6), 1122–1143. doi: 10.1177/0003122414554081
- Standing G. (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Academic.
- Tajfel, H., & Turner, J.C. (1986) The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, IL: Nelson, 7–24.
- Van Zomeren M., Postmes T., & Spears R. (2008). Toward An Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Socio-Psychological Perspectives. *Psychological Bulletin*, 134(4), 504–535. doi: 10.1037/0033-2909.134.4.504
- Von Scheve C., Salmela M. (Eds). (2014). *Collective Emotions: Perspectives from Psychology, Philosophy, and Sociology*. Oxford: Oxford University Press. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199659180.001.0001